

Пребываніе Императора Александра I въ Лондонѣ въ 1814 г. ¹⁾.

(Великій князь Николай Михайловичъ. Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной).

А ва мѣсяца спустя послѣ Вѣнскаго конгресса и тотчасъ по заключеніи Парижскаго мира, Императоръ Александръ I посѣтилъ Лондонъ. Эта поѣздка не имѣла никакой политической цѣли и во время пребыванія императора въ Лондонъ не происходило никакихъ дѣловыхъ переговоровъ; это былъ отдыхъ союзныхъ монарховъ и ихъ министровъ послѣ понесенныхъ ими трудовъ.

Единственно, что имѣлось при этомъ въ виду,—это личное знакомство и сближеніе Александра съ регентомъ англійскаго престола — впоследствии королемъ Георгомъ IV, что считали необходимымъ для упроченія великой европейской коалиціи.

Въ воспоминаніяхъ супруги русскаго посла въ Лондонѣ Д. А. Ливень, изъ коихъ отрывокъ помѣщенъ въ приложеніи къ перепискѣ Императора Александра I съ Великой Княгиней Екатериной Павловной, изложены обстоятельства, вызвавшія поѣздку Императора въ Англію, и подробно описаны отдѣльные эпизоды его пребыванія при дворѣ Георга III. Домъ княгини Ливень былъ въ Лондонѣ центромъ дипломатическаго міра, и поэтому она могла быть обо всемъ великолѣпно освѣдомлена.

„Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Лондонъ въ іюнь мѣсяцѣ 1814 г., пишетъ княгиня Ливень. Посѣщенію этому предшествовали весьма важныя событія.

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

Императоръ Александръ, всемогущій, но скромный глава коалиціи королей и народовъ, привелъ ихъ въ самое сердце Франціи, не задаваясь никакими мыслями о дальнѣйшей судьбѣ этой великой страны. Этотъ серьезный вопросъ не только никѣмъ не обсуждался, — его даже вовсе не касались. Всѣ знали, что надобно было разрушить, но никто не зналъ, чѣмъ надлежало замѣнить разрушенное. Относительно этого важнаго пункта никто ничего не зналъ; деликатность Императора Александра была къ тому главной помѣхой.

Первымъ рѣшился возвысить свой голосъ англійскій регентъ. Его раздражали совѣщанія, происходившія между монархами въ Шатильонѣ; онъ боялся возможности какого-нибудь соглашенія съ Наполеономъ и, рѣшивъ во что бы то ни стало помѣшать этому, онъ, не стѣсняясь конституціей, поручилъ моему мужу предложить отъ его имени Императору Александру возстановить на престолѣ Бурбоновъ; это было сдѣлано въ тайнѣ отъ англійскихъ министровъ, которые объ этомъ ровно ничего не знали“.

„Ливень поддерживалъ въ Лондонѣ близкія сношенія съ французской королевской семьей; онъ одобрилъ предложеніе регента и сообщилъ его Императору; Александръ I, въ свою очередь, отнесся къ этому предложенію сочувственно, видя въ немъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Не обращая вниманія на просьбу Ливена хранить это предложеніе въ тайнѣ, императоръ тотчасъ сообщилъ обо всемъ лорду Кастляри, заявивъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе регента и готовъ поддержать его предложеніе. Это было для англійскаго министра громовымъ ударомъ; онъ немедленно написалъ изъ Шатильона своимъ коллегамъ въ Лондонъ. Глава англійскаго кабинета Ливерпуль, впервые узнавъ обо всемъ изъ письма Кастляри, былъ внѣ себя отъ гнѣва; сообщеніе Кастляри взволновало всѣхъ членовъ англійскаго кабинета. Однако послѣдующія его депеши изгладили это первое впечатлѣніе. Изъ депешъ можно было заключить, что Бурбоны встрѣтять во Франціи благосклонный пріемъ; и что императоръ австрійскій не будетъ особенно огорченъ, если его внукъ лишится престола. Когда это выяснилось, министры поняли, что планъ регента былъ недуренъ, и что имъ все улаживалось.

Совѣщанія, происходившія въ Шатильонѣ, были вскорѣ прерваны, и союзныя войска пошли къ Парижу.

Этотъ фактъ, весьма важный по своимъ послѣдствіямъ, придалъ дружественнымъ отношеніямъ, существовавшимъ между русскимъ Императоромъ и англійскимъ регентомъ, болѣе интимный характеръ. Дѣло, которое они замыслили втайнѣ, увѣнчалось успѣхомъ; узы, связывавшія ихъ державы, скрѣпились возникшими между ними личными узами. Съ этого момента регентъ только и думалъ о сви-

даніи съ Александромъ I и усиленно приглашалъ его посѣтить Англію, на что Императоръ изъявилъ свое согласіе“.

Александръ I былъ въ то время въ апогеѣ своей славы. Въ Англіи всѣ жаждали видѣть его и ожидали его пріѣзда со страстнымъ нетерпѣніемъ. Купечество выразило даже желаніе меблировать для него домъ, ассигновавъ на это 100 тысячъ ф. ст.

„Нѣтъ той вещи, которую сочли бы достаточно хорошей для освободителя Европы“ писала брату Великая Княгиня Екатерина Павловна, которая была въ то время въ Лондонѣ. Куда бы она ни поѣхала, обычно „холодная“ англійская публика горячо привѣтствовала ее, какъ сестру русскаго Императора. Когда она совершила поѣздку въ Оксфордъ, Бирмингамъ и Ворчестеръ, населеніе оказывало ей повсюду по пути знаки восторженнаго вниманія: въ маленькомъ городкѣ Банбери, жители вышли ей навстрѣчу и выпрягли лошадей изъ ея экипажа; for I was the sister of the great emperor of Russia“—говоритъ Екатерина Павловна.

Обѣщавъ посѣтить Англію, Императоръ могъ отправиться туда лишь по заключеніи міра, пробывъ цѣлыхъ два мѣсяца въ Парижѣ. Въ послѣднее время его пребыванія въ столицѣ Франціи отношенія между нимъ и реставрированной династіей нѣсколько омрачились. Онъ не видѣлъ со стороны французскаго короля ни той благодарности, ни той изысканной любезности, на которыя онъ считалъ себя въ правѣ рассчитывать. Онъ не былъ доволенъ приближенными короля и реакціоннымъ настроеніемъ, преобладавшимъ въ кругу царедворцевъ.

Императоръ всегда былъ склоненъ къ либеральному образу мыслей и любилъ окружать себя людьми, раздѣлявшими эти взгляды. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ Имперію; предпочтеніе, которое онъ оказывалъ нѣкоторымъ лицамъ, начинало тревожить европейскіе кабинеты. Всѣ признавали его первенствующую роль, но князь Меттернихъ и лордъ Кастлри еще въ бытность въ Парижѣ чувствовали необходимость сплотиться и дѣйствовать сообща, чтобы сдержать порывы пылкаго воображенія Александра I. Такъ зародилась тѣсная дружба, соединявшая впоследствии этихъ двухъ министровъ.

Получивъ свѣдѣніе о настроеніи Императора и о его образѣ дѣйствій, — расположенный къ Бурбонамъ и консервативно настроенный регентъ нѣсколько разочаровался, и когда Александръ пріѣхалъ въ Лондонъ, его восторженное преклоненіе передъ Императоромъ уже померкло. Этому не мало способствовало одно постороннее обстоятельство, а именно его знакомство съ Великой Княгиней Екатериной Павловной, пріѣхавшей въ Лондонъ въ мартѣ

„пустымъ и тщеславнымъ“, посылала Императору каррикатуры на него—и Императоръ пріѣхалъ въ Лондонъ предубѣжденнымъ противъ того, съ кѣмъ ему было необходимо сойтись и установить дружескія отношенія.

„Когда Великая Княгиня убѣдилась окончательно въ томъ, что она не понравилась регенту, она стала пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы усугубить въ немъ непріязненныя къ ней чувства. Она обращалась холодно съ министрами, была преднамѣренно невѣжлива съ любовницей регента, маркизой Гертфордъ, мужъ которой былъ однимъ изъ первыхъ чиновъ двора; сошлась съ дочерью регента, принцессой Шарлотой, которая была въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ отцомъ; принимала членовъ оппозиціи, была особенно любезна со всѣми, кто былъ враждебенъ двору, и наконецъ выразила желаніе познакомиться съ принцессой Уэльской, которая за свое легкомысленное поведеніе была исключена изъ придворнаго круга. Это могло повести къ окончательному разрыву съ регентомъ.

„Мой мужъ, пишетъ княгиня Ливенъ, узнавъ о перепискѣ, возникшей по этому поводу, сдѣлалъ все возможное, чтобы не допустить этого шага. Видя, что это ему не удастся, онъ рѣшилъ сказать Великой Княгинѣ, что онъ, какъ посолъ русскаго Императора, не допустить, чтобы Ея Высочество стала во враждебныя отношенія къ монарху, при которомъ онъ аккредитованъ, и что если она будетъ упорствовать въ своемъ рѣшеніи видѣть принцессу Уэльскую, то онъ оставитъ свой постъ, увѣдомивъ о томъ Императора. Видя, что онъ говоритъ серьезно, она уступила, но никогда не простила ему этого и заявила, „что она освобождаетъ его отъ обязанности посѣщать ее“. Съ этихъ поръ между нею и Ливенами установились очень странныя отношенія.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, Великая Княгиня выразила желаніе обѣдать у русскаго посла разъ въ недѣлю въ извѣстный день, чтобы встрѣчаться у него съ выдающимися представителями лондонскаго общества. Она просматривала списки приглашенныхъ; всѣ ея предпочтенія были на сторонѣ виговъ; она требовала, чтобы придворные были исключены изъ числа присутствующихъ на этихъ обѣдахъ, и только изрѣдка соглашалась на то, чтобы были приглашены министры.

„За обѣдомъ, между нею и моимъ мужемъ, пишетъ Д. Х. Ливенъ, постоянно происходили пикировки. Мужъ мой полагалъ, что послѣ вышеописаннаго столкновенія онъ будетъ по крайней мѣрѣ избавленъ отъ этихъ обѣдовъ,—но Великая Княгиня разсудила иначе.

Я по-прежнему бывала у нея каждое утро; мужъ настаивалъ

на этомъ, такъ какъ я являлась единственнымъ связующимъ звеномъ между Великой Княгиней и посольствомъ. Мнѣ пришлось изодраться въ дипломатіи, начиная съ обѣдовъ: я упорно отстаивала свое право приглашать нѣкоторыхъ лицъ, что иногда мнѣ удавалось, такъ какъ Великая Княгиня допускала возраженія и я нерѣдко исключала ея любимцевъ и добивалась ея согласія пригласить лицъ ей неприятныхъ. Когда она пріѣзжала къ обѣду, Ливень встрѣчалъ ее внизу на лѣстницѣ. Она шла къ столу подъ руку съ нимъ; онъ сидѣлъ рядомъ съ ней, но она *никогда* не говорила съ нимъ ни слова. Это продолжалось два мѣсяца; она нарушила молчаніе впервые наканунѣ пріѣзда Императора.

Императора Александра и пріѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ короля прусскаго сопровождала цѣлая свита нѣмецкихъ принцевъ, главнокомандующіе союзныхъ войскъ, главы кабинетовъ, князь Меттернихъ и множество иностранцевъ. Никогда еще Лондонъ не видѣлъ такого блестящаго сѣзда высокопоставленныхъ лицъ.

Регентъ приказалъ приготовить для монарховъ помѣщеніе въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ. Король принялъ предложеніе; Императоръ предпочелъ остановиться у своей сестры и пользовался помѣщеніемъ, отведеннымъ ему во дворцѣ только для торжественныхъ пріемовъ“.

Отказъ Александра жить въ Сентъ-Джемскомъ дворцѣ былъ первымъ поводомъ къ неудовольствію со стороны регента.

Помѣстившись у Великой Княгини, Александръ сдѣлалъ это по ея просьбѣ. „Если Вамъ отведутъ помѣщеніе въ замкѣ, писала ему Екатерина Павловна 11 апрѣля (30 марта) 1819 г.,—и вы на это согласитесь, то мы будемъ разлучены и вамъ не будетъ тамъ уютно; если Вы предпочитаете быть свободнымъ, то я могу предложить вамъ десять комнатъ въ своемъ домѣ“, и Императоръ согласился, оскорбивъ этимъ регента, который отнесся поэтому къ нему съ первой же встрѣчи холодно и невнимательно.

Какъ только Императоръ пріѣхалъ въ Пикаделли, ему доложили о томъ, что регентъ посѣтитъ его въ тотъ же день; мы прождали его съ часа до четырехъ. Толпа, собравшаяся передъ домомъ, все время прибывала, всѣ улицы были заполнены ею сплошь. Все время гремѣло ура; когда Императоръ выходилъ время отъ времени на балконъ, публика ревѣла отъ радости. Время шло, а регентъ не ѣхалъ. Императоръ началъ терять терпѣніе; Великая Княгиня улыбалась, глядя на брата, и приговаривала: „вотъ каковъ этотъ человекъ!“

Мужъ мой страшно волновался; онъ боялся, что эта неловкость будетъ какъ бы подтвержденіемъ словъ Великой Княгини, которая

въ своихъ письмахъ очень возстановила Императора противъ регента.

Наконецъ, въ четыре часа мужъ получилъ отъ сэра Блумфильда записку, въ которой онъ писалъ: „если его высочество появится на улицѣ, то онъ можетъ подвергнуться оскорбленіямъ, поэтому онъ не можетъ посѣтить Императора“.

Какое признаніе и какое начало знакомства!! Великая Княгиня не могла скрыть своей радости. Прочитавъ записку, Императоръ сѣлъ въ карету Ливена и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Карлтон-гаузъ, гдѣ онъ провелъ съ регентомъ съ полчаса.

Выйдя отъ него, онъ сказалъ Ливену: „жалкій монархъ!“—на что Ливенъ тотчасъ отвѣтилъ: „но онъ помогъ вамъ закончить славную войну и заключить славный миръ!“ Эта реплика была оставлена безъ вниманія. Впечатлѣніе было сдѣлано и никогда не изгладилось. Регентъ ни раза не былъ у Императора, ссылаясь на то, что его домъ былъ слишкомъ открытъ для всѣхъ; такимъ образомъ это первое неофициальное свиданіе было и послѣднимъ.

Надобно замѣтить, что регентъ не пользовался вообще ни любовью, ни уваженіемъ англійской публики; онъ даже не рисковалъ иногда показаться въ толпѣ, боясь подвергнуться оскорбленіямъ, поэтому восторженныя привѣтствія, которыми встрѣчали вездѣ Императора, казались регенту оскорбленіемъ. Онъ былъ этимъ чрезвычайно обиженъ и раздраженъ и сталъ смотрѣть на Императора какъ на соперника. Это былъ второй поводъ къ неудовольствію; къ этому присоединились еще многіе другіе уколы его самолюбія, которыми Императоръ сильно задѣлъ его.

„На другой день по пріѣздѣ Императора въ Карлтонъ-гаузъ былъ данъ въ честь его обѣдъ, который прошелъ въ высшей степени натянуто: Императоръ былъ холоденъ и видимо скучалъ: король прусскій, всегда холодный и сдержанный, молчалъ и держалъ себя повоенному; регентъ тщетно дѣлалъ все возможное, чтобы развеселить общество; Великая Княгиня не пришла ему на помощь. Послѣ обѣда былъ пріемъ у королевы. Все было устроено довольно неумѣло: королева сидѣла подъ балдахиномъ; всѣ кланялись ей и затѣмъ проходили передъ Императоромъ; но иные обходили его, такъ что ему не было оказано въ этотъ вечеръ должныхъ почестей. Онъ стоялъ въ сторонѣ, я стояла подлѣ него; онъ смотрѣлъ иногда въ лорнетъ и спрашивалъ фамиліи нѣкоторыхъ дамъ, произведшихъ на него впечатлѣніе.

Регентъ подошелъ къ маркизѣ Гертфордъ и подвелъ ее къ Императору. Александръ поклонился ей, не произнеся ни слова. Регентъ подумалъ, что онъ не разслышалъ фамиліи, и громко повто-

рилъ: „это маркиза Гертфордъ“. Это не произвело никакого впечатлѣнія. Маркиза, обладавшая величественной осанкой, сдѣлавъ Императору глубокой реверансъ, бросила на него высокомерный взглядъ; этимъ взглядомъ была рѣшена участь этой поѣздки“.

„Наружность Императора Александра была одна изъ тѣхъ, которыя плѣняютъ сердца: высокій ростъ, благородная осанка, открытый лобъ, очаровательная улыбка, кроткое, доброжелательное, чисто ангельское выраженіе лица. Онъ производилъ на всѣхъ поразительное впечатлѣніе. Если прибавить къ этому ореолъ славы, осѣнявшей его въ то время, то станетъ понятенъ энтузіазмъ, возбужденный имъ въ Англіи. На улицахъ, въ Сити, въ театрахъ, восторгъ толпы доходилъ до неистовства. Я не преувеличу, сказавъ что въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ имъ въ Лондонѣ, въ паркѣ и на улицѣ, на которой стоялъ его отель, толпилось все время не менѣе десяти тысячъ человѣкъ. Въ извѣстные часы проѣздъ совершенно закрывался, да и самъ Императоръ только одинъ разъ могъ спокойно пройтись пѣшкомъ, выйдя изъ отеля тайно. Когда онъ выѣзжалъ въ экипажъ или возвращался домой, всякій хотѣлъ дать ему *shake hands*, и онъ добродушно удовлетворялъ это желаніе и тѣмъ приводилъ толпу въ восторгъ. Я сопровождала однажды Императора и Великую Княгиню на засѣданіе нижней палаты. Великая Княгиня только что вернулась съ прощальной аудіенціи у королевы; у нея была надѣта черезъ плечо лента, приколотая роскошнымъ брилліантовымъ аграфомъ; когда мы вышли изъ кареты у Парламента, толпа, тѣснившаяся около Императора, была такъ велика, что какой-то человѣкъ, проталкиваясь, сорвалъ съ Великой Княгини аграфъ. Я первая замѣтила это, но не успѣла еще сказать Великой Княгинѣ, какъ аграфъ былъ ей возвращенъ со всевозможными извиненіями. Это очень забавляло Императора.

Въ салонахъ Императоръ также имѣлъ большой успѣхъ; тутъ онъ былъ очаровательнымъ кавалеромъ и только. Прекрасный танцоръ, обворожительный въ обхожденіи съ молодыми женщинами, онъ упорно не желалъ никогда сказать ни одного любезнаго слова пожилымъ дамамъ. Однажды, на балу у маркизы Холмондель, я сказала Императору, указывая на маркизу Гертфордъ, стоявшую подлѣ него, которой онъ ни разу не сказалъ еще ни одного слова: „Ваше Величество, вотъ особа, которая ожидаетъ отъ васъ хотя одного слова“. Онъ отвѣчалъ: „она очень стара“ и не подошелъ къ ней. Молодые женщины не пеняли ему за это. Онъ былъ окруженъ, ему льстили; его побѣды и увлеченія были многочисленны. Иногда это видимо стѣсняло его, такъ какъ ухаживаніе за нимъ со стороны дамъ выражалось иногда очень страннымъ образомъ. Однажды, лэди Сара Белей, женщина очень

красивая, но глупая, не находя ничего сказать Императору и не зная, что дѣлать, послѣ минутнаго колебанія предложила ему свой флаконъ съ одеколономъ. Императоръ отказывался, она настаивала, онъ не хотѣлъ его брать; наконецъ, она силою опорожнила на платокъ, который онъ держалъ въ рукѣ, все содержимое флакона, запачкавъ бѣлый мундиръ Императора. Онъ поспѣшно отошелъ отъ нее и сильно покраснѣлъ, такъ какъ онъ болѣе всего на свѣтѣ боялся быть смѣшнымъ; увидавъ, что я смотрю на него, онъ былъ раздосадованъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ уже предубѣжденный противъ регента и выслушавъ всѣ сдѣланныя Великой Княгиней наблюденія, со всѣми преувеличеніями, подсказанными ей недоброжелательностью, Императоръ сразу взялъ тотъ же тонъ, какъ и она. Съ регентомъ онъ былъ холоденъ и нѣсколько пренебрежителенъ, съ министрами утонченно вѣжливъ, съ членами оппозиціи очень ласковъ; на другой же день по пріѣздѣ, онъ принялъ въ частной аудіенціи лорда Голланда, которому онъ привезъ письмо отъ Лагарпа. Къ принцессѣ Шарлоттѣ онъ отнесся въ высшей степени дружественно и рѣшилъ даже сдѣлать визитъ принцессѣ Уэльской. Вотъ что произошло по этому поводу.

Принцесса писала ему, поздравляя его съ пріѣздомъ, и выразила желаніе видѣть его. Императоръ, зная о томъ, что произошло между моимъ мужемъ и Великой Княгиней по тому же поводу, захотѣлъ объясниться съ нимъ прежде, чѣмъ отвѣтитъ принцессѣ. Когда онъ заявилъ моему мужу о своемъ намѣреніи быть у принцессы, Ливенъ воскликнулъ отъ ужаса, что очень разсмѣшило Императора. Тогда Ливенъ счелъ долгомъ передать ему о категорическомъ заявленіи, сдѣланномъ ему лордомъ Кастлри, когда мы пріѣхали въ Англію, что на принцессу Уэльскую не слѣдуетъ смотрѣть какъ на члена королевской фамиліи и что всякое сношеніе чиновъ дипломатическаго корпуса съ нею будетъ принято регентомъ за личное оскорбленіе. Императоръ наморщилъ брови; подумавъ нѣсколько минутъ и помолчавъ, онъ сказалъ: „Я не посланникъ, я не аккредитованъ при англійскомъ дворѣ: я буду у нея. Я открываю календарь, я вижу въ немъ въ списокѣ членовъ королевскаго дома имя принцессы Уэльской и я обязанъ оказать ей вниманіе, какъ и прочимъ принцессамъ“.

„Какъ угодно, Ваше Величество, но вы испортите свои отношенія къ регенту, посмотримъ, какъ это отразится на вашихъ дѣлахъ“.

Императоръ подумалъ, не сказалъ ни да, ни нѣтъ, но не поѣхалъ къ принцессѣ. Впослѣдствіи говорили, что онъ встрѣтился съ нею въ Кенсингтонъ-Гарденъ и что при этомъ свиданіи присутствовала Великая Княгиня. Намъ не удалось провѣрить этотъ слухъ.

Во время пребыванія монарховъ въ ЛондонѢ, регентъ былъ вмѣстѣ съ ними въ королевской ложѣ въ трехъ большихъ театрахъ столицы. Въ итальянской оперѣ произошелъ инцидентъ, чрезвычайно оскорбившій регента: во время представленія, принцесса Уэльская съ шумомъ вошла въ свою ложу, находившуюся напротивъ королевской ложи. Она поклонилась Императору; онъ тотчасъ всталъ и этимъ заставилъ встать короля прусскаго и регента, все зало поднялось какъ одинъ человекъ и огласилось привѣтственными возгласами“.

Благодаря всѣмъ этимъ мелкимъ эпизодамъ, натянутыя отношенія, установившіяся между монархами съ перваго момента ихъ знакомства, съ теченіемъ времени еще болѣе ухудшались. Князь Меттернихъ, съ большимъ любопытствомъ слѣдившій за всѣми этими перипетіями, не замедлилъ ими воспользоваться въ интересахъ политики. Онъ подсмѣивался надъ регентомъ съ Великой Княгиней Екатериной Павловной, которая была съ нимъ откровенна, и въ то же время подсмѣивался съ регентомъ надъ Императоромъ; это было вѣрнымъ средствомъ снискать его благоволеніе. Онъ вполне овладѣлъ его умомъ, потакалъ всѣмъ его тщеславнымъ наклонностямъ, которыя въ монархѣ были особенно смѣшны, онъ выхлопоталъ для него орденъ Золотого Руна, съ которымъ король Георгъ IV никогда не разставался, и званіе фельдмаршала австрійскихъ войскъ, и регентъ имѣлъ удовольствіе заказать себѣ бѣлый мундиръ.

Мы съ мужемъ приходили съ каждымъ днемъ все въ болѣе отчаяніе, такъ какъ положеніе становилось безвыходнымъ. Великая Княгиня вертѣла Императоромъ, своимъ братомъ, какъ хотѣла.

При дворѣ не было большихъ празднествъ во время пребыванія Императора: регентъ далъ всего два большихъ обѣда и два вечера. Празднества по случаю заключенія мира происходили уже по отъѣздѣ Императора. Онъ выразилъ желаніе видѣть короля Георга III, но, по обсужденію этого вопроса, было рѣшено, что было бы неприлично показывать иностранному монарху безумнаго короля. Лондонское общество чествовало монарховъ обѣдами у лордъ-мэра, въ *Saylors Company*, *Goldsmiths Company*: на эти обѣды приглашались исключительно одни мужчины, но Великая Княгиня выразила желаніе непременно присутствовать на нихъ, что шокировало англичанъ. Обѣдъ, данный Сити, отличался особымъ великолѣпіемъ, это былъ единственный случай, когда регентъ встрѣтился съ лидерами партіи виговъ—своими личными врагами; ихъ обыкновенно не приглашали на собранія, гдѣ онъ присутствовалъ.

Чтобы попасть въ большое банкетное зало въ Гильдголъ, нужно

было пройти нѣсколько большихъ комнатъ, гдѣ ожидали приглашенные. Король прусскій велъ подь руку Великую Княгиню, за ними шелъ Императоръ съ герцогиней Гюркской, регентъ велъ подь руку меня. Поровнявшись съ кѣмъ-либо изъ виговъ, Императоръ останавливался. Онъ подалъ руку лорду Голланду и лорду Грею, и говорилъ съ ними нѣсколько минутъ.

Эти остановки заставляли регента, шедшаго позади, остановиться, что чрезвычайно раздражало его; онъ былъ со мною въ то время настолько хорошъ, что высказалъ мнѣ это и показалъ за обѣдомъ свое неудовольствіе высококомѣрнымъ молчаніемъ съ Императоромъ и его сестрою. На этомъ банкетѣ произошла слѣдующая оригинальная сцена. Великая Княгиня не любила музыки и съ тѣхъ поръ какъ овдовѣла, съ нею часто дѣлались нервные припадки. Въ Англіи же было установлено обычаемъ, что за обѣдомъ пѣлись національныя пѣсни. Какъ только началась музыка, Великая Княгиня знаками выразила мнѣ свое отчаяніе и наконецъ сказала по-русски: „Если это будетъ продолжаться, со мной сдѣлается дурно“. Я передала это регенту, который произнесъ вслухъ: „Великая Княгиня желаетъ, чтобы музыка прекратилась“,—и музыка смолкла, къ великому изумленію присутствующихъ.

Королевскій столъ стоялъ на возвышеніи, за нимъ сидѣли только монархи, принцы и посланники, остальная часть залы была заставлена длинными столами, за которыми сидѣло семьсотъ приглашенныхъ, которыхъ намъ было отлично видно. Я скоро замѣтила, что всѣ заволновались. Нѣкоторые подходили къ регенту и что-то говорили ему на ухо; онъ сказалъ мнѣ: „This wont do in England“. Я ничего не могла отвѣтить на это. Наконецъ онъ просилъ меня освѣдомиться у Великой Княгини, дозволить ли она исполнить *God save the King*, на что она отвѣтила высококомѣрно: „Какъ будто это не та же музыка!“ Регентъ покорился. Въ залѣ послышался гулъ. Императоръ былъ глуховатъ, не слышалъ того, что говорилось, и не замѣчалъ приближающейся бури; всѣ взоры были устремлены на меня, какъ будто меня хотѣли предостеречь. Наконецъ шумъ до того усилился, что я уже хотѣла обратить на это вниманіе Великой Княгини, когда мнѣ передали записочку, безъ подписи, написанную незнакомой рукой по-англійски:

„Если Великая Княгиня не разрѣшитъ играть музыкѣ, мы не отвѣчаемъ за королевскій столъ“,—стояло въ этой запискѣ.

Я тотчасъ передалъ ей записочку, и она сказала:

„Ну такъ пусть ихъ горланяютъ!“—и *God save the King* былъ пропѣтъ.

Вставъ изъ-за стола, первый министръ, лордъ Ливерпуль, подо-

шелъ ко мнѣ и сказала: „Тотъ, кто не умѣетъ себя вести, долженъ оставаться дома, а ваша Великая Княгиня пожелала, вопреки существующимъ обычаямъ, присутствовать на обѣдахъ, на которыхъ дамы не бываютъ“.

Съ этихъ поръ англійскіе министры не скрывали своего недовольствія противъ Великой Княгини; она, въ свою очередь, утратила въ своихъ сношеніяхъ съ регентомъ всякое чувство мѣры. За однимъ обѣдомъ у лорда Ливерпуля, за которымъ регентъ сидѣлъ, по обыкновенію между нею и мною, я слышала слѣдующій діалогъ:

„Почему, Ваше Высочество, держите свою дочь взаперти, почему она никогда не сопровождаетъ васъ?“

— Моя дочь слишкомъ молода, Ваше Высочество, чтобы выѣзжать въ свѣтъ.

— Однако вы уже избрали для нея мужа?

— Она выйдетъ замужъ только черезъ два года.

— Выйдя замужъ, она, конечно, съумѣетъ наверстать потерянное время?

— Когда она будетъ замужемъ, Ваше Высочество, она будетъ дѣлать то, что захочетъ ея мужъ; пока, она дѣлаетъ то, что я хочу“.

Великая Княгиня взглянула на регента и продолжала съ напускной кротостью и едва уловимой усмѣшкой:

„Желанія мужа и жены всегда сходятся, Ваше Высочество“. Регентъ поспѣшно повернулся ко мнѣ и сказалъ довольно громко: „This is intolerable!“

На другой день послѣ обѣда въ Сити былъ большой смотръ войскамъ въ Гайдъ-Паркѣ.

Къ назначенному часу всѣ должны были собраться въ Constitution Hall'ъ. Императоръ прибылъ туда къ назначенному часу верхомъ, въ сопровожденіи свиты. Ему пришлось ждать регента добрый часъ. Наконецъ принцъ пріѣхалъ, извинился и смотръ начался. Нѣсколько дней спустя, Императоръ опоздалъ на придворный вечеръ, куда всѣ были приглашены къ девяти часамъ: регентъ посылалъ нѣсколько разъ освѣдомляться, будетъ ли Императоръ; онъ пріѣхалъ въ половинѣ двѣнадцатаго и извиняясь сказалъ, что онъ былъ у лорда Грея.

Императоръ сдѣлалъ намъ честь пригласить насъ къ обѣду. Онъ заявилъ рѣшительно, что не желаетъ приглашать регента и его министровъ, и просилъ насъ пригласить между прочимъ лорда и лэди Лансдоунъ, потому что они принадлежали къ оспо-

зиціи, и мистрисъ Литтельтонъ, нынѣ лэди Гатертонъ, *потому что* она была красавицей. Это казалось страннымъ. Я припоминаю, что за обѣдомъ Императоръ говорилъ о Бурбонахъ съ пренебрежительной ироніей; это нравилось вигамъ и было очень неловко графу Нессельроде.

Въ Лондонѣ, Императоръ оказывалъ особое вниманіе лэди Жерси. Въ особенности на балу у лэди Гертфордъ онъ такъ ухаживалъ за ней, что это было всѣми замѣчено; они много смѣялись. Говорятъ, будто регентъ слышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ ею довольно громко, такъ какъ Императоръ былъ глуховатъ; и изъ этихъ словъ можно было заключить, что они шутили на счетъ регента.

Императоръ назначилъ на 15 число балъ, который хотѣла дать въ честь его лэди Жерси; регентъ назначилъ на 14 поѣздку въ Оксфордъ, очевидно съ той цѣлью, чтобы Императоръ не былъ на этомъ балу. Осмотръ училищъ, поднесеніе Императору диплома доктора университета; банкетъ въ Крейтчерчѣ, посѣщеніе Бленгейма и Стове заняло столько времени, что Императоръ могъ вернуться въ Лондонъ лишь 16 числа въ 3 часа утра. Онъ пересѣлся и отправился къ лэди Жерси съ восходомъ солнца: она удержала у себя до этого поздняго часа нѣсколько человѣкъ въ надеждѣ, что Императоръ пріѣдетъ, и онъ танцевалъ *scotch reel* до 5 часовъ.

Всѣ поздравляли лэди Жерси съ побѣдой. Она думала, что Императоръ безумно влюбился въ нее, и вотъ что произошло нѣсколько дней спустя. Наканунѣ отъѣзда Императора былъ балъ у маркизы Девонширской. Мой мужъ не принялъ приглашенія, присланнаго ею для Императора, полагая, что онъ не захочетъ ѣхать на балъ, такъ какъ на слѣдующій день онъ долженъ былъ выѣхать рано утромъ. Императоръ, думая, что его не приглашали, не могъ ѣхать на балъ, но онъ зналъ, что тамъ будетъ лэди Жерси и ему вздумалось послать на балъ, въ часъ ночи, своего двоюроднаго брата, принца Ольденбургскаго, просить лэди Жерси, чтобы она пріѣхала проститься съ нимъ. Лэди Жерси, польщенная и смущенная этимъ приглашеніемъ, посоветовалась съ бывшими на балу своимъ пріятельницами, не о томъ, приличенъ ли былъ этотъ визитъ въ подобный часъ, но о томъ, что ей было дѣлать, въ случаѣ, если Императоръ былъ бы съ нею слишкомъ любезенъ. Она обсуждала вопросъ со всѣхъ сторонъ и спрашивала, можно ли въ чемъ-нибудь отказать Императору? Ея подруги отвѣчали, что это было бы очень *невѣжливо*, что слѣдовало ѣхать и предаться волѣ Божьей. Императоръ, со своей стороны, видимо хотѣлъ обезопасить себя, такъ какъ

онъ просилъ разбудить свою сестру, и Великая Княгиня присутствовала при ихъ свиданіи, которое окончилось въ три часа утра. Лэди Жерси, которую ея подруги посѣтили изъ любопытства на другой день, говорила, опустивъ глазки, что Императоръ только просилъ позволенія поцѣловать ея руку выше локтя. Объ этомъ случаѣ говорилъ весь Лондонъ.

Приближался отъѣздъ Императора. Всѣ вышеописанныя мелкія непріятности и недоразумѣнія, случавшіяся ежедневно, дѣлали этотъ отъѣздъ весьма желательнымъ; король англійскій и русскій Императоръ не скрывали своей антипатіи другъ къ другу, и окружающіе, какъ это бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, проявляли еще большую враждебность. Въ комнатѣ, гдѣ находилось дежурство Императора, не стѣсняясь, говорились самыя обидныя вещи о регентѣ. Ихъ повторяли, не стѣсняясь, даже въ присутствіи лорда Ярмута, сына маркизы Гертфордъ, которому было повелѣно состоять при Императорѣ во время его пребыванія въ Англии. Лордъ Ярмутъ также позволилъ себѣ быть довольно дерзкимъ, и въ дежурной комнатѣ происходили настоящія ссоры. Особенно отличались генераль-адъютанты.

Императоръ уѣхалъ въ Портсмуть 22 іюня. За нимъ послѣдовалъ регентъ, чтобы показать ему свой флотъ. Онъ вернулся въ Лондонъ внѣ себя, глубоко затаивъ въ своемъ сердцѣ злобу и желаніе чѣмъ-нибудь отомстить Императору за тѣ мелкіе уколы его самолюбію, которые онъ перенесъ за это время. Послѣдствія этой печальной поѣздки сказались очень скоро: „Взаимная холодность и раздраженіе, установившіяся съ тѣхъ поръ между англійскимъ и русскимъ дворами, была использована прочими кабинетами, и шесть мѣсяцевъ спустя, въ Вѣнѣ, регентъ и лордъ Кастлри, совмѣстно съ Меттернихомъ и Талейраномъ, заключили тройственное соглашеніе между Англіей, Австріей и Франціей противъ Россіи“.

Таковы были послѣдствія печальнаго пребыванія Александра I въ Лондонъ, гдѣ онъ дѣйствовалъ всецѣло подъ вліяніемъ пылкой и неуравновѣшенной Великой Княгини Екатерины Павловны; цѣль, которая преслѣдовалась этой поѣздкой, не была достигнута, не только „никакого сближенія между монархами не произошло, но она привела къ обратнымъ результатамъ. Торжествовали лишь многочисленныя враги Россіи, какъ Меттернихъ, лордъ Кастлри и другіе. Удивительно,—какъ замѣчаетъ по этому поводу Великій Князь Николай Михайловичъ ¹⁾,—что такъ необдуманно поступалъ Государь, всегда

¹⁾ Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. Прилож., стр. XI.

столь выдержанный, расчетливый и послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ“. Это явленіе можетъ быть объяснено до извѣстной степени тѣмъ нравственнымъ и физическимъ утомленіемъ, которое овладѣло имъ „послѣ трехъ лѣтъ напряженной борьбы съ Наполеономъ, ибо Императоръ, конечно, отлично зналъ недостатки Екатерины Павловны, и иначе трудно объяснить, что онъ могъ временно забыть въ Англіи интересы не только свои личные, но и интересы Россіи“.

В. Тимошукъ.

